

Михаил Елизаров начинал с рассказов в традициях Владимира Сорокина. Рассказы строились на одном приеме, как и у Сорокина, — иногда получалось очень остроумно. Буквализация метафор, обманутые ожидания, стилевой коллапс и все такое. Потом был премиальный роман «Библиотекарь» — и он строился, по сути, на одном парадоксе (представители тишайшей профессии оказываются убийцами). Это, в общем, уже смущало. «Земля» — огромный, семисотстраничный том, стоит, как на одном ките, на одной теме. Это тема смерти, прежде всего в ее погребальном изводе. Земля тут имеется в виду кладбищенская; впрочем, с намеком на всю нашу планету.

Герой-повествователь с самого детства погружен в кладбищенскую тематику. Он устраивает кладбище насекомых, пытается похоронить ласточку, в стройбате копает могилы, его возлюбленная татуирована кладбищенскими символами, даже ее духи формой флакона напоминают похоронного агента. Ну и работает герой в кладбищенском бизнесе, само собой. Только самый наивный читатель может принять все это за реализм. Описание зацикленности на одной проблематике, шизоидного мировосприятия (сплошной анализ без признаков синтеза)...

Короче, тотальная «танатопатия» — так называется завороченность смертью. Этим, впрочем, больна вся современная массовая культура. И Елизаров, приводя бесчисленные смертно-кладбищенские примеры, доводя тему до абсурда, тем самым всеобщую танатопатию настойчиво высмеивает.

Да, герой постоянно рассуждает (по тону — бубнит) на кладбищенскую тематику, автор находчиво и без усталости приводит соответствующие сюжетные повороты, а заодно и пристегивает всякие дополнительные смыслы (тоже по теме!). Тут и про закат цивилизации, и про потусторонний мир, и про социальную несправедливость. И про сатанистов из «Единой России», например. Кладбище становится глобальной метафорой, довольно навязчивой и уж точно не новой.

Во всем этом много иронии. Автор хорошо стилизует суждения действующих лиц, детей, подростков, солдат, бандитов... и само повествование стилизовано то под триллер, то под производственный роман, то под скучную монографию. Получается у Елизарова это ловко. Собственно авторский голос не слышен — автор говорит тысячью голосами одновременно. Но шутка в 700 с лишним страниц все же перестает быть забавной.

Язык намеренно стерт, обезличен, полон клише и жаргонизмов (вполне естественно смотрятся и нецензурные выражения). Вот цитата: «Годы спустя вдумчивые мои наставники разъяснили, что прежде кладбища, помимо основной функции, создавались и создавались как функции памяти. Нынешние же, вынесенные подальше за городскую черту, повторяют только внешний принцип изоляции мертвого, но мотивация их принципиально иная».

РЕЗЮМЕ Огромный том читать и любопытно (что еще автор выдумает, как уколет танатопатию, посмеется над штампами), и скучно — линейный сюжет разворачивается ну уж очень долго и однообразно. Вот как едешь в телеге по бесконечной, однообразной равнине, засыпаешь под мерный голос рассказчика... Но, конечно, для того чтобы удерживать ткань повествования от распада, нужно недюжинное мастерство, не говоря об усидчивости. В общем, как говорили в нашей юности с долей восхищения, «молодец чувак, годную телегу прогнал».